

Ефрем Залманович Майминас

Ефрем Залманович Майминас (1932–2000) — советский и российский экономист. Родился в литовском городе Каунасе. В 1953 г. окончил экономический факультет Вильнюсского государственного университета по специальности «политическая экономия». В 1958 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию. В 1960 г. по инициативе Майминаса и при поддержке ректора И. Кубилюса, академиков В. С. Немчинова и А. И. Берга, создана Лаборатория экономических исследований Вильнюсского университета. Со 2 августа 1965 г. работал доцентом кафедры математических методов анализа экономики (ММАЭ) экономического факультета МГУ. Создал и долгие годы вел профилирующий для специальности курс «Экономическая кибернетика». Став штатным сотрудником Академии наук, передал курс своему ученику В. Л. Тамбовцеву и стал читать новый спецкурс — «Актуальные проблемы теории и практики экономической политики». В 1967 г. защитил в МГУ докторскую диссертацию «Процессы планирования в экономике (Информационный аспект)». В 1968–1988 г. организовал на экономическом ф-те МГУ и руководил научным семинаром «Процессы принятия решений», который проходил каждую неделю в течение 20 лет. С 1970 по 1985 г. — по совместительству заведующий лабораторией систем принятия решений в ЦЭМИ АН СССР. В 1990-е гг. занимался изучением институциональных процессов на новом этапе развития России, эти годы были также посвящены развитию теории социально-экономического генотипа, основы которой были заложены в ранних работах Майминаса и наиболее полно сформулированы в статье «Социально-экономический генотип общества», опубликованной в 1989 г.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ГЕНОТИП ОБЩЕСТВА¹

Анализ прошлого, решение задач перестройки, прогноз общественно-экономического развития нашей страны требуют рассмотрения ряда теоретических проблем. Одна из них — соотношение функционирования и развития экономики и роль человека в этих процессах.

Разумеется, в каждом цикле воспроизводства происходят какие-либо структурные изменения; по-своему складывается взаимодействие внешних и внутренних факторов. Однако в традиционных обществах изменения накапливались медленно и постепенно приводили к качественным сдвигам, которые обуславливали развитие этих обществ. И технологическая, и социально-экономическая динамика пусть неравномерно, но резко ускорилась с конца XVIII в., особенно в нашем столетии. Характерной ее чертой становится пробуждение народных масс, все более активно и осознанно участвующих в историческом процессе (ранее они приходили в движение лишь в бурные периоды революций и религиозных войн).

¹ Текст публикуется по: Майминас Е. З. Социально-экономический генотип общества // Постигение. — М.: Прогресс, 1989. С. 93–113.

Возросла роль субъективного человеческого фактора, общественного сознания и общественных институтов в функционировании и развитии экономики. Они могут и стабилизировать (даже тормозить) общественно-экономические процессы, и стимулировать вызревающие преобразования. Поэтому понятно своего рода «очеловечивание» экономической теории, оправдан ее интерес к социологии и социальной психологии¹.

В свете сказанного рассмотрим, как встроен в общественное сознание и закреплён в общественных институтах механизм социального наследования и социальных изменений.

Определение социально-экономического генотипа²

Социально-экономический генотип (СЭГ) — это информационный механизм, обеспечивающий воспроизведение структуры, принципов функционирования, процессов регламентации и обучения (отбора, запоминания и передачи позитивного опыта) в данной общественно-экономической системе.

Аналогия СЭГ с биологическим генотипом весьма условна, поскольку прямая биологизация общественных явлений и процессов социального наследования неправомерна. Чем выше уровень благосостояния и развития общества, тем относительно меньшую роль играют биологические детерминанты человеческого поведения (до тех пор, пока не ощущается экологическая угроза). Генотип в биологических системах изменяется в результате мутаций генов. Благоприятные мутации выделяются путем естественного отбора, в результате которого неприспособленные виды (популяции) гибнут, а приспособленные — выживают. В обществе процессы изменений и адаптации протекают иначе.

СЭГ — специфически социальный механизм. Он фиксируется в многообразных информационных формах: от теоретических положений и программных концепций, правовых актов и административных инструкций до программ обучения и учебных пособий, неписаных традиций и правил хозяйствования.

¹ Опираясь на марксистские представления об отношениях людей в общественном производстве, Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина включают охарактеризованный выше круг вопросов в предмет экономической социологии (см. Известия СО АН СССР. 1984. № 1). В западной литературе с первым изложением экономической социологии выступил Н. Смелсер, хотя там ее корни уходят в историческую школу и институционализм; особо отметим работы М. Вебера, И. Шумпетера, Г. Мюрдаля, К. Боулдинга.

² Впервые это понятие введено в моем докладе на международном семинаре в Берлине в апреле 1965 г. (см. *Okonomische Modelle. (Planung und Leitung der Volkswirtschaft). Heft 11. Berlin. Verlag Die Wirtschaft, 1967*). Оно подробно раскрыто в моих работах: Процессы планирования в экономике: информационный аспект. — Вильнюс: Минтис, 1967, и М.: Экономика, 1971; Управление хозяйственным механизмом и экономическая кибернетика // Экономика и математические методы. 1976. Т. XII. Вып. 4; О формировании хозяйственных механизмов // Экономика и математические методы. 1982. Т. XVIII. Вып. 3. На их основе подготовлен и настоящий текст. Независимо, но позже и в ином контексте использовал понятие социального генотипа К. Боулдинг (см.: *Boulding K. E. Economics as a Science. — N.Y.: Mcgraw-Hill, 1970, и Ecodynamics; A Mew Theory of Societal Evolution. — Beverly Hills, London. Sage Publ., 1978*).

В совокупности эта многослойная социальная память общества образует как бы «информационную матрицу», по которой воспроизводится определенная система управления, способ функционирования данной общественно-экономической системы. Объективной основой СЭГ служит процесс воспроизводства общественных и прежде всего экономических отношений этой системы. Главное содержание СЭГ образует информация, выражающая качественные черты того или иного общественно-экономического строя. В классовом обществе она прежде всего отражает и закрепляет интересы класса, господствующего в экономике, политике, а следовательно, в обычных условиях — и в идеологии.

Носителем СЭГ является общество, члены которого как представители определенной общественной группы усваивают эту информацию в процессе социализации личности. Импринтинг СЭГ осуществляется путем обучения, воспитания, принуждения и других форм социального воздействия. Лишь затем — «фенотипически» — СЭГ проявляется в структуре и элементах соответствующего хозяйственного механизма, в сознании и действиях людей, особенно в тех или иных стереотипах их социально-экономического мышления и поведения.

Частично СЭГ жестко регламентирует линии поведения воспроизводимой системы — в виде «безусловного рефлекса» на внешнее воздействие. Частично же СЭГ закладывает способность и стимулы к индивидуальному обучению этой системы в процессе ее адаптации.

В социально-экономических системах в известной мере возможно предвидение результатов намечаемых изменений. Рамки предвидения расширяются в процессе познания общественных процессов. Оно осуществляется в основном тремя способами: путем экстраполяции анализа «истории» системы; оценкой результатов «экспериментальных», пробных познающих воздействий, не способных разрушить систему; за счет сравнительного анализа разных систем. Это — предвидящий (априорный) отбор. Сознательно производятся также последующий (апостериорный) отбор и закрепление результатов, полученных в качестве ответа среды на управляющие воздействия методом «проб и ошибок».

Таким образом, оба вида отбора — априорный, роль которого возрастает с развитием общества и общественных наук, и апостериорный — существенно отличаются от естественного биологического отбора, осуществляемого только по пробам и ошибкам длительной стихийной эволюцией. Это несравненно более быстрый, более целенаправленный и менее расточительный процесс.

Существуют информационные комплексы (органы научно-технической информации, патентная система, университеты и академии, общественные организации, пропаганда, наконец, государственные институты), обеспечивающие передачу отобранных результатов другим элементам системы и другим системам. Следовательно, в отличие от биологических систем социальное наследование не ограничивается рамками популяции. Однако возможности восприятия и использования эволютивной информации другими социальными системами далеко не беспредельны, а в существенной степени объективно обусловлены уровнем и особенностями их собственного развития. Это хорошо показал Г. Мюрдаль на примере стран Южной Азии.

Степень селективности отбора зависит от четкости критериев, от возможности сопоставить варианты поведения и их результаты. Она, как и конкрет-

ные формы отбора и распространения улучшений, обусловлена прежде всего типом общественно-хозяйственного регулирования.

В целом строение СЭГ и его место в комплексе общественных отношений и институтов упрощенно представлены изображенной на рис. 1 схемой, в которую включены лишь важнейшие блоки и связи. В последующем изложении со ссылкой (в скобках) на буквенные и цифровые обозначения будет раскрыто их содержание.

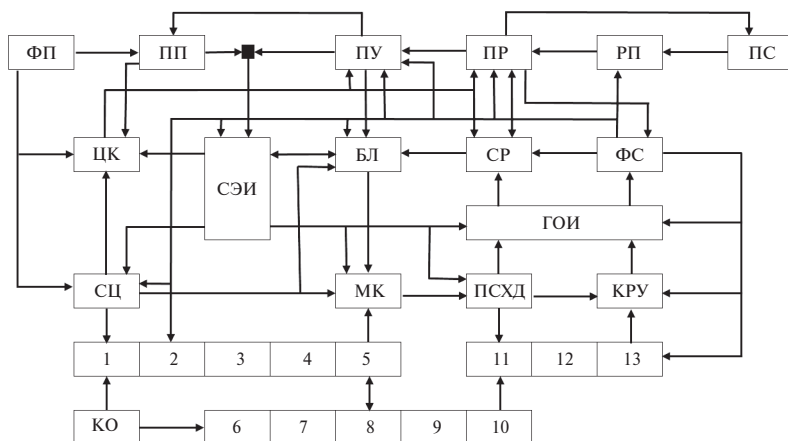

Рис. 1. Строение СЭГ и его место в комплексе общественных отношений

Общая структура СЭГ и его характеристики по-разному проявляются в историческом развитии. Конкретный внутренне взаимосвязанный комплекс этих характеристик со своими качественными значениями, как будет показано далее, образует «профиль» СЭГ в данном обществе.

Ядро СЭГ

Производство независимо от его общественной формы есть «процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»¹. На рис. 1 крайние пункты этого процесса обозначены как функциональные потребности (ФП) людей и природная среда (ПС). Функциональные потребности в питании, одежде, жилье, охране здоровья, информации и т.п. извечны. Но в зависимости от технологического уровня производства (ПР) меняется список продуктов и услуг (ПУ), обеспечивающих эти функциональные потребности. Тем самым формируются реальные предметные потребности (ПП) в мясе, молоке, хлебе, овощах, конкретном гардеробе, квартирах, лекарствах, услугах лечебных учреждений и библиотек, книгах и газетах и т.д. Они и по объему, и по структуре исторически изменчивы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. С. 188.

В каждый определенный момент существует разрыв между уровнем предметных потребностей и возможностями производства в обеспечении их рядом продуктов и услуг. Он обусловлен не только опережающим ростом предметных потребностей и относительной ограниченностью наличного ресурсного потенциала (РП). Социальные корни этого разрыва уходят в способ распределения (СР) продуктов и услуг, зависящий от форм собственности на средства и результаты производства (ФС).

Социально-экономические интересы (СЭИ) выражают необходимость, значимость и настоятельность удовлетворения потребностей. Интересы осознаются как обобщенное опережающее требование к способам удовлетворения потребностей. Это уже не только сами продукты и услуги, но и условия их получения: формы собственности и распределения средств и результатов производства, ресурсного потенциала. Именно поэтому «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего, как интересы»¹.

Социально-экономические интересы образуют исходное звено СЭГ, как бы воспроизводя в нем информацию об общественно-экономических отношениях конкретного строя. Тем самым они увязывают объективные общественные процессы с субъективной деятельностью и сознанием людей. Преломляясь через интересы, условия и способы удовлетворения материальных и духовных потребностей, трактуются людьми как блага (БЛ). Воздействие интересов на все стороны общественной и хозяйственной деятельности многообразно и прежде всего проявляется в содержании и структуре ее целевого комплекса (ЦК), в объективно обусловленных, но сознательно формулируемых субъектами управления целях развития и изменений соответствующих звеньев производства и распределения благ, хозяйственных и общественных институтов и организаций.

Интересы оказывают влияние и на систему ценностей (СЦ), которая играет существенную роль в оценке благ, формировании и ранжировании целей. Если интересы связывают СЭГ с социально-экономическими структурами, то система ценностей укореняет его в культуре данного общества (КО). Речь идет прежде всего о многовековых культурных традициях (включая нравственные, религиозные и другие идеологические факторы) в их исторически сложившемся национально-этническом своеобразии. Разумеется, «качок современной цивилизации» до известной степени нивелирует это своеобразие, но не учитывать его огромного воздействия на систему ценностей и СЭГ в целом нельзя.

Система ценностей в концентрированном виде отражает общественное сознание различных классов, социальных и этнических групп. Она включает целый ряд аксиологических шкал со своими понятиями и градациями ценностей: материально-экономических (полезность благ, материальное благосостояние, богатство), социальных (социальные права и гарантии, равенство), политических (гражданские права и свободы, власть, мир), социально-психологических (самовыражение, престиж), нравственных (добро, справедливость, патриотизм, интернационализм), эстетических (красота), познавательных (истина), эколо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 18. С. 271.

гических и др. Их сложное сплетение дает человеку общую ценностную ориентацию в осознании им действительности, в его жизнедеятельности.

В разных обществах у различных групп в зависимости от их социально-экономического положения, под воздействием тех или иных культурных традиций значения соответствующих ценностей могут резко различаться, не говоря уже о содержательной трактовке самих аксиологических оценок.

Система ценностей не только дифференцирована в рамках социальной структуры, но и динамична. Так, многие культурные традиции и ценности рушились и видоизменялись под западным влиянием в дворянской среде послепетровской России¹, но надолго сохранялись в крестьянской общине; по-иному они проявлялись на русском Севере и среди казаков; огромное воздействие на них оказало развитие капитализма, а затем — революция и особенно массовая коллективизация. Вместе с тем есть и интегрирующие долговременные ценности, символизирующие целостность и историческую преемственность данного общества.

Социально-экономические интересы и системы ценностей влияют на другие компоненты СЭГ, в первую очередь на мотивационный комплекс (МК) хозяйственной и общественной деятельности. Содержание и соотношения этих мотивов у каждого человека обусловлены структурой социальных ролей, в совокупности определяющих его позицию в обществе, масштабом и характером соответствующих социальных общностей. Мотивы, переплетаясь, образуют целостные мотивации, которые ориентируют поведение человека в разных сферах его жизнедеятельности: в труде, потреблении и семье, в малых группах и общественных организациях, в политических структурах и т.п. В трудовой и социальной мотивациях особое значение имеют внутренние мотивы (например, чувство хозяина, мотив власти), внешние мотивы-стимулы (например, материальная заинтересованность в заработной плате, выполнение приказов начальника), оправдательные мотивы (например, стремление прикрыть частный или локальный интерес общегосударственными соображениями). Существенную роль играют также коллективные мотивы типа «мы и они» по отношению к разным социальным общностям (например, трудовым коллективам, этносам, государствам). Эти мотивы могут порождать соревнование либо подражательное поведение, а в иных случаях — противостояние и неприятие, «образ врага».

Социально-экономические интересы, система ценностей и тесно связанный с ними мотивационный комплекс образуют внутреннее ядро СЭГ, которое органически сопряжено с целым рядом социально-психологических характеристик, выражающих разные стороны общественного сознания и общественных отношений. Наиболее очевидно влияние в экономике следующих характеристик с их крупными градациями (цифры в скобках соответствуют рис. 1):

- отношение к труду (высшая ценность, дело чести; средство существования; отрицательная ценность; проклятие) — (1);
- отношение к потреблению (самодовлеющая ценность, «вещизм», накопительство; «выборочное» накопительство, в том числе престижное

¹ Ключевский В. О. Западное влияние в России после Петра. — См. в кн.: Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. — М.: Наука, 1983.

- потребление; средство гармоничного развития личности; средство поддержания жизнедеятельности; отрицательная ценность, аскетизм) — (2);
- отношение к распределению (дифференциация по статусу: собственности, положения, рождения и т.п.; равенство; дифференциация по труду; по нуждаемости; по потребности; уравнительность) — (3);
- отношение к обществу, степень и формы «включенности» в общественные отношения (индивидуализм; патриархально-родовые, территориально-общинные, племенные; сословно-кастовые; национальные; социально-классовые; коллективистские и непосредственно общественные формы) — (4);
- степень и формы идейной убежденности (научное мировоззрение, религиозная, национальная и другие формы идеологии) — (5).

Эта группа социально-психологических характеристик наиболее сильно зависит от уровня экономического развития и сложившихся социально-экономических отношений данного общества, особенно от его классовой структуры, положения отдельных социальных групп в общественном производстве.

Более опосредованно воздействует на хозяйственную деятельность и общественную активность людей другая группа социально-психологических характеристик, отражающих преимущественно сложившийся у них тип культуры. В частности, это:

- высокая или низкая степень трудовой мобильности (профессиональной, квалификационной, территориальной) — (6);
- преобладающий способ поведения (он может основываться на выборе рациональной программы хозяйственной деятельности в зависимости от объективных условий или, напротив, на следовании традиции, даже если эти условия изменились) — (7);
- характер работы (систематичность или «авральность»; расчетливость или склонность к риску) — (8);
- ориентация во времени (динамическая, обращенная в будущее, которая может быть либо деятельной, либо рефлектирующей, «мечтательной»; обращенная в повседневность, к сиюминутным интересам и делам; обращенная в прошлое) — (9);
- степень конформизма и восприимчивости к внешним воздействиям, которая очень тесно связана с формами отношения к обществу — (10).

Как интересы, ценности, мотивы, образующие ядро СЭГ, так и его социально-психологическая «оболочка» конкретизируют формы общественно-экономического сознания. В более определенном и явном виде они выступают в парадигме хозяйствования и социального действия.

Парадигма хозяйствования и социального действия

Если нормы поведения и управления задаются индивиду или конкретному управляющему блоку как бы извне, то парадигма хозяйствования и социального действия (ПХСД) (см. рис. 1) обычно усваивается этим индивидом или блоком, непосредственно выражая комплекс его интересов и мотиваций. Эта парадигма является главным предметом социального обучения личности.

На каждом историческом этапе она представляла по-своему — от религиозных проповедей до развернутых экономических, социальных, правовых теорий и программ социально-экономической политики, «технологических» правил и даже обыденных представлений о хозяйственном и социальном поведении. Так закреплялись в сознании господствующие в данном обществе формы хозяйствования и социальной активности или готовилась почва для их изменения.

Ведь как только осознавалось тем или иным социальным слоем или классом ущемление его интересов, недовольство сразу же сопровождалось апелляцией к политическим, социальным, экономическим, нравственным идеалам. В при-сущем данной эпохе и обществу виде эти идеалы выражали в парадигме соответствующую, облаченную в идеологические одежды ценностную ориентацию. И там же черпала свои аргументы противоборствующая сторона. А на другом полюсе парадигмы ценности и мотивации представлены обычаями и правилами поведения «на каждый день». Они диктуют заземленный производственный, домашний, семейно-родственный распорядок, ритуалы, формы общения и т.п.

В макромасштабе общественно-хозяйственная парадигма связана с решением двух сопряженных, но далеко не идентичных задач: обеспечением стабильности функционирования социально-экономической системы и повышением ее эффективности на базе различных нововведений. Последние неизбежно ведут к структурным сдвигам, которые могут и нарушить сложившееся стабильное равновесие в системе. Соотношение значимости этих задач, не говоря уже о содержании и способах их решения, изменяется на различных этапах развития, зависит от конкретно-исторических условий той или иной страны.

Комплекс представлений о функционировании и развитии социально-экономической системы фокусируется в определенных установках управления (11 на рис. 1). Управленческая установка является чрезвычайно важной социально-психологической характеристикой, выражающей преимущественную ориентацию системы и субъектов управления в поле выбора альтернатив действия. Складываясь и изменяясь в конкретных условиях, она вместе с тем несет на себе отпечаток того или иного типа культуры, концентрированно отражает особенности данной психообщественной инфраструктуры.

Прежде всего выделим два класса установок управления — традиционные и рационалистические¹. Установка на следование традиции жестко предписывает в каждой ситуации однозначную программу поведения. В отличие от нее рационалистические установки и программы поведения позволяют выбирать способ действия из множества возможных в конкретной ситуации, что характерно для современных систем управления, несмотря на сохранение некоторых элементов традиционных программ.

Различаются три типа рационалистических установок: собственно рациональность, эффективность и адаптивность².

¹ См.: *Левада Ю. А.* Сознание и управление в общественных процессах // Вопросы философии. 1966. № 5.

² См.: *Ackoff R. L.* Concept of Corporate Planning. — N. Y., Wiley, 1970; *Kornal T. Rush Versus Harmonic Growth.* — Amsterdam-London, North-Holland Publ. Co., 1972.

Рациональность предполагает удовлетворение некоторых ограничений, по-
роговых или качественных требований, позволяющих отличить «нерациональ-
ное» от «рационального». В самом общем смысле это требование выживания
системы и, следовательно, наиболее универсальная, слабая форма управленче-
ской ориентации. Для общественных систем со сложной структурой «выжива-
ние» в первую очередь означает сохранение данного качественного структурного
типа, который может быть реализован весьма широким спектром конкретных
допустимых структур. (Традиционная же установка закрепляет единственную
структуру.) Но каждая из них должна обеспечить определенную стабильность
системы, сбалансированность ее элементов и подструктур, несмотря на внеш-
ние возмущения.

Эффективность обычно связана с поиском и выбором в множестве допус-
тимых структур «наилучшей» по заданным критериям структуры и обеспечением
ее функционирования. (Лишь в частном случае, при наличии единственного
критерия оценки альтернатив и других известных условиях, речь может идти об
оптимизации в строгом смысле слова.) По существу, в рамках этой установки
остается и задача построения наилучшей структуры, реализующей заданные
функции системы. Например, когда разрабатывается перспективный план, кон-
струируется сегодняшний образ будущей системы. Далее проектируется некая
динамическая структура, которая должна обеспечить поэтапную реализацию
этого образа на определенном временном интервале. Однако в перспективе
непредвидимое ныне развитие социального и научно-технического прогресса
может существенно видоизменить сегодняшний образ будущей системы, мо-
дифицировать и сами критерии оценки ее структур. Управляемые параметры,
установленные в исходном плане, выводили бы систему именно в эту, относи-
тельно «устаревшую» целевую область.

Адекватной изменению целей и условий функционирования системы яв-
ляется установка адаптивности. Она направлена на создание такого механизма
управления, который бы обеспечил развитие управляемого объекта, изменение
его структуры в соответствии с динамикой условий функционирования. Более
совершенна та система, которая успешно (скорее с меньшими издержками
и т.п.) адаптируется к более широкому диапазону условий. Это зависит и от
«правильного» соотношения между жестким регулированием и самообучением.
В качестве упрощенного технологического примера сопоставим жестко струк-
турированную автоматическую линию с узкоспециализированным оборудова-
нием (рациональность), станки с программным управлением (эффективность)
и самообучающихся роботов (адаптация).

Формирование эффективной структуры объекта, так же, как и критериев
ее оценки, становится «естественным» продуктом деятельности самой системы
управления. Эта деятельность начинается с прогнозирования условий функци-
онирования объекта, что позволяет своевременно и согласованно определять
и изменять как цели, так и способы их эффективной реализации.

Рациональность и эффективность остаются исходными требованиями. Они
синтезируются установкой адаптивности, согласующей стабильность и отбор
наилучших нововведений в социально-экономическом развитии. Именно та-
кой синтез порождает понятие «гибкости», приспособляемости системы. Но эта

установка, в отличие от установок рациональности и эффективности, непосредственно ориентирована на деятельность системы управления, а не объекта управления. Тем самым впервые во главу угла ставится метауправление — создание и совершенствование эффективного управляющего механизма, способного обеспечить успешное функционирование социально-экономической системы в широком и априорно не заданном диапазоне условий.

Изменение системы ценностей, парадигмы и установок управления происходит относительно медленно, захватывая целые исторические эпохи. Как правило, оно ускоряется и выступает в наиболее явном виде в периоды революционных преобразований социально-экономического строя. Но этот же процесс, пусть не в полном объеме, инициируется и установкой адаптивности.

На практике мы сталкиваемся со сложным сочетанием различных установок в разных процессах принятия управленческих решений, причем в отдельных случаях они могут вступать в противоречие друг с другом (примером могут служить квазиэффективные хозяйственные решения, приводящие к экологическому ущербу).

В разных обществах и на разных исторических этапах уделяется неодинаковое внимание тем или иным сторонам общественной и хозяйственной жизни. В парадигме фиксируется круг и соотношение «управляемых факторов» (12 на рис. 1). Это — технико-технологические, экономические, социальные, организационно-политические, воспитательно-пропагандистские факторы управления. По этому признаку часто (с упрощением) выделяют «технологические» и «идеологические» общества. В первых предпочтение отдается технологическому развитию, во-вторых — жесткому соблюдению идеологических канонов.

Наконец, важной компонентой парадигмы является обоснование того или иного типа взаимодействий (вертикальных и горизонтальных) в хозяйственном механизме, экономической и политической структуре (13), например, тоталитаризм, либерализм, анархизм и т.п. В классовых обществах это один из острейших узловых вопросов политической и идеологической борьбы, поскольку в нем наиболее четко представлены формы классового господства или политические устремления отдельных классов.

Контурсы регулирования и управления

Завершающее звено СЭГ образует комплекс норм, оценок и стимулов общественно-хозяйственной деятельности — экономических, правовых, административных, моральных, которые уже непосредственно устанавливают порядок и правила функционирования данной социально-экономической системы. В СЭГ на основе утвердившейся парадигмы этот комплекс представлен в сравнительно обобщенном виде контуров регулирования и управления (КРУ на рис. 1). В совокупности они детерминируют некое общественно-хозяйственное устройство. Здесь определяются характер, линии воздействия, соотношение и взаимосвязь отдельных видов норм, оценок и стимулов, т.е. формируется «регламентирующая» исходная база конкретного социального и хозяйственного механизма. В нем самом все эти факторы выступают уже в качестве конкретно и явно установленных параметров с соответствующими экономическими сти-

мулами и штрафами, правовыми санкциями, административными поощрениями и наказаниями, моральной поддержкой и осуждением. Такую настройку комплекса норм, оценок и стимулов в социальном и хозяйственном механизме осуществляет государство и другие общественные институты (ГОИ).

Контурсы регулирования и управления воздействуют на каждого члена и каждую ячейку общества (будь то физическое или юридическое лицо, семья, малая группа, неформальное движение и т.п.) посредством тех или иных предписаний — норм. Они различаются по способу, степени избирательности, применимости и гибкости воздействия на объект.

По степени избирательности условно можно выделить нормы универсального (У), группового (Г) и индивидуализированного (И) воздействий. Объектом последних могут быть как физические, так и юридические лица, например, хозяйственные организации, а также их структурные подразделения. Важно, что предписания или инструкции носят здесь «адресный» характер и направлены конкретному Иванову, конкретному предприятию, конкретному отделу данного министерства. В отличие от этого нормы группового воздействия «Г» направлены на определенную группу объектов, например, на все предприятия, подведомственные данному министерству; на договорные отношения между предприятиями; на налоговые отчисления от их прибыли и т.п. С точки зрения применимости различаются нормы многократного (Мн) и разового (Р) действия. Многие авторы исключают разовые предписания (команды) из понятия норм.

По гибкости выделим нормы императивные (Им), предписывающие вполне определенные действия, и диспозитивные (Д), определяющие рамки дискреционного, т.е. свободно выбираемого, поведения. Императивные нормы работают по принципу «разрешено только то, что прямо предписано», а диспозитивные — по принципу «разрешено все, что прямо не запрещено». Следовательно, императивные задают те или иные линии поведения, запрещая все остальные, а диспозитивные — зону поведения, предусматривающую свободный выбор из определенного множества допустимых линий поведения. Вполне очевидна их непосредственная связь соответственно с программами жесткого регулирования, обеспечивающими прежде всего стабильность объекта, и программами адаптации объекта к изменяющимся условиям.

Способ воздействия определяет четыре типа контуров управления; правового регулирования (П), административно-организационный (А), морально-воспитательного воздействия (М) и экономический (Э). «Экономический» контур здесь характеризуется способом, а не сферой действия, ибо экономические процессы регулируются всеми контурами. Преобладающее соотношение каждого из них с перечисленными выше характеристиками норм представлено на рис. 2.

Контур «П» и действующий на его основе контур «А» опираются на принудительную силу власти, обеспечивающей обязательность исполнения соответствующих предписаний и санкции за их нарушение. В условиях частного предпринимательства все предписания персоналу руководством отдельных фирм заведомо относятся к «А» в отличие от государственных правовых норм, в том числе норм административного права. В государственной системе управления социалистическим народным хозяйством оба контура пока различаются ско-

Контуры управления	Классы норм						
	У	Г	И	Мн	Р	Им	Д
П	+	+	—	+	—	+	+
А	—	+	+	+	+	+	+
М	+	+	—	+	—	+	+
Э	—	+	+	+	+	+	+

+ имеется — отсутствует
 П — правового управления
 А — административно-организационного регулирования
 М — морально-воспитательного воздействия
 Э — экономического регулирования
 У — универсальные
 Г — групповые
 И — индивидуализированные
 М — многократного действия
 Д — диспозиционные

Рис. 2. Классы норм, имеющиеся в различных контурах управления

рее масштабom и силой воздействия, формами институционализации контроля и санкций, наличием в «А» индивидуализированных и разовых предписаний. В его рамках нормы могут быть и групповыми инструкциями, например, типовыми схемами организационных структур, положениями о правах и обязанностях подразделений и работников и т.п.

Контур «М» действует на основе убеждения. Порожденные определенными социально-экономическими условиями моральные нормы фиксируются в сознании людей процессом социализации личности. Они реализуются под влиянием общественного, группового и индивидуального мнения, воспитания и оценки. Контур морально-воспитательного воздействия имеет более широкую сферу охвата социальных явлений, чем правовой и административный. Нормы должны быть морально оправданы (иногда нормы «П», «А» и «М» образуют пересекающиеся множества). Помимо общих, в рамках отдельных социальных коллективов и малых групп формируются и свои групповые моральные нормы (например, нормы профессиональной этики). В случаях девиантного поведения они вступают в противоречие с общими нормами.

Контур «Э» непосредственно исходит из материальных интересов людей, социальных групп и общества с соответствующим способом воздействия на эти интересы — главным образом путем экономического регулирования степени удовлетворения материальных потребностей через цены, доходы, налоги, проценты и другие экономические нормативы, а также приоритетного натурального распределения тех или иных ресурсов, благ и услуг.

Все нормы, отделяя дозволенное от недозволенного, этическое от неэтичного, выгодное от невыгодного на базе системы ценностей, служат тем самым и для общественной оценки, и для стимулирования позитивно оцениваемых действий. Однако их оценочно-стимулирующие возможности неодинаковы. Нормы «П» и «А» в этом отношении обеспечивают преимущественно пороговую оценку деятельности индивида или организации. В зависимости от степени их

нарушения в запретной зоне санкции могут быть дифференцированы. Но в допустимой (с точки зрения государства или администрации) зоне дискреционного поведения или при соблюдении установленной линии поведения нормы «П» и, как правило, «А» не предусматривают специальных положительных стимулов, кроме возможности продолжать отвечающую нормам деятельность.

Контур «Э» формируется как в вертикальных, так и в горизонтальных связях регулирования и управления, и его нормы воспринимаются и усваиваются каждым хозяйствующим субъектом. Они дают возможность сопоставить и сравнить оценки альтернатив действия в дискреционной зоне. Нормы «Э» обеспечивают стимулы и, следовательно, как бы направляют выбор самим субъектом конкретной, наилучшей альтернативы, стимулируют в ряде случаев также соблюдение императивно предписанной другими контурами линии поведения. В известном смысле аналогичный характер имеет и контур «М» с его моральными стимулами к нравственным ценностям и соблюдению нравственных норм. Однако в нем большую роль играют плохо поддающиеся обобщению и квантификации субъективные факторы. Поэтому, за исключением экстремальных ситуаций, нормы «М» способны выделить не единственную альтернативу, а пучок предпочтительных альтернатив.

Научно-технический прогресс, динамизм и усложнение социальных процессов резко увеличивают число возможных альтернатив поведения членов и ячеек общества. В этих условиях особое значение приобретает правильное соотношение императивных и диспозитивных норм в контурах регулирования и управления, а также оценочно-направляющее действие контура «Э» для отбора эффективных линий поведения; становится актуальным формирование более дифференцированных способов нравственной оценки и морального стимулирования.

Практически в любом процессе принятия решений все нормы и стимулы действуют совместно. Поэтому согласование нормативных контуров является одной из главных задач метауправления. Необходима такая их совместная настройка, чтобы они не только не противодействовали друг другу, но в целом обеспечивали наиболее эффективное, соответствующее общественным целям функционирование и развитие социально-экономической системы.

«Профили» СЭГ и формирование хозяйственных механизмов

Итак, мы рассмотрели общую схему СЭГ, которая наглядно показывает, что общественно-экономические отношения в преобладающей степени детерминируют его характер в целом, содержание и соотношение отдельных компонент. Основным проводником их воздействия служат социально-экономические интересы. Культурно-исторические факторы, национально-этнические особенности главным образом влияют на системы ценностей и многие социально-психологические характеристики СЭГ, а уже через них — на другие его звенья. Однако можно проследить их долговременный «остаточный» отпечаток после изменения общественно-экономических отношений в блоках мотивационного комплекса, парадигмы хозяйствования и социального действия, контуров регулирования и управления. В свою очередь последние два звена СЭГ

оказывают наиболее сильное воздействие на хозяйственный механизм, а через него — и обратное влияние на развитие общественного производства. Но и в данном случае нетрудно заметить непосредственную связь системы ценностей, мотивов и других компонент с развитием общественного производства, прежде всего их роль в ориентации хозяйственных решений и деятельности отдельных индивидов.

Социально-экономические отношения, выражающие качественные особенности данной общественной формации, и фундаментальные вековые линии ее культуры формируют своего рода «доминантные аллели» соответствующего вида СЭГ и хозяйственного механизма. Остальные структурообразующие факторы, если продолжить биологическую аналогию, являются «рецессивными». При известных условиях они могут проявляться в тех или иных звеньях хозяйственного механизма, обладая инерционностью и относительной самостоятельностью развития.

Под влиянием всей совокупности этих факторов складываются вполне определенные «профили» СЭГ. Каждому из них присуще свое сцепление конкретных значений или градаций компонент генотипа. Если в системе ценностей, например, преобладающее значение имеет богатство, то с ним скорее будет связан индивидуализм, чем коллективизм; установка эффективности, чем традиционализм (кроме «старого» Востока); престижное потребление, чем аскетизм (кроме протестантской этики), и т.д. Напротив, если высоко ценится социальная защищенность, то она влечет тенденцию к уравнительности, кастовость или коллективизм (в зависимости от типа культуры), традиционализм или в лучшем случае рациональность, конформизм и т.п.

В каждом обществе есть свой доминантный «профиль» СЭГ, выражающий прежде всего интересы господствующего класса и, соответственно, господствующую идеологию. Вместе с тем существуют порой отклоняющиеся или даже противостоящие ему частные «профили», в которых закреплены специфические интересы и ценности отдельных социальных слоев и групп. Их инкорпорирование в данное общество в нормальных условиях функционирования последнего — непростая задача. В условиях же революционной ломки старого общества происходит смена самого доминантного «профиля». Его место занимает один из прежних частных «профилей», в котором обычно сохраняются и какие-то существенные, хоть и видоизмененные черты прошлой доминанты.

Следовательно, каждый «профиль» СЭГ есть не произвольная мозаика, а некая целостность. Любому хозяйственному механизму как способу функционирования и развития данной экономической системы отвечает свой доминантный «профиль» СЭГ. Этим же определяются возможности и пределы генерирования и отбора возможных вариантов хозяйственного механизма, так же, как и передачи информации социального наследования за рамки данной «популяции», т.е. исторической последовательности сменяющих друг друга конкретных систем.

В указанных пределах реальный выбор (точнее — формирование) того или иного варианта хозяйственного механизма зависит от конкретных условий страны: уровня ее технологического и экономического развития, материального и культурного качества жизни населения, социально-политических факторов и т.п.

В то же время сближение этих условий, процессы экономической интеграции, растущая общность характера решаемых задач хозяйственной и социальной политики стран с однотипной социально-экономической структурой позволяют им более широко учитывать соответствующий зарубежный опыт, ведут к взаимной стыковке и частичному подобию компонент СЭГ, особенно в хозяйственной сфере. Образуется своего рода механизм переноса тех или иных черт СЭГ из общего «генофонда», в частности через деятельность международных экономических организаций, транснациональных корпораций, смешанных предприятий и т.п. Известную роль в этих процессах играет и необходимость совместного решения стоящих перед человечеством глобальных проблем.

В той степени, в какой проявляется общность технологических структур и задач научно-технического прогресса, удастся заимствовать соответствующий опыт иной по типу общественно-экономической системы. Однако и здесь, помимо подготовленности чисто ресурсных и технологических предпосылок, существенные ограничения накладывают сложившиеся социально-экономические условия и прежде всего СЭГ. Система как таковая остается инвариантной относительно подобного переноса, поскольку она абсорбирует соответствующие нововведения, приспособляя их к своим специфическим чертам. Изменение самой системы связано со сменой типа общественно-экономических отношений.

В рамках данного строя любые меры по развитию хозяйственного механизма должны быть внутренне согласованы с его качественными основами, учитывать взаимодействие всех его элементов и характеристик. Сопоставительная оценка положительных и отрицательных последствий, общественных эффектов и «плат» при реализации альтернативных вариантов хозяйственного механизма способствует выбору наиболее предпочтительного из них.

Без анализа СЭГ и происходящих в нем изменений такая оценка будет заведомо неполной, причем это касается не только социальных, но и чисто экономических результатов и затрат, связанных с реализацией мер по перестройке хозяйственного механизма. Иначе не понять причинно-следственных связей, скажем, дифференциации или выравнивания доходов с системой ценностей, с одной стороны, с хозяйственной мотивацией и эффективностью производства — с другой. Не раскрыв в СЭГ факторов, определяющих стиль экономического мышления, не удастся проследить, как на масштаб и темпы хозяйственных перестроек влияют мотивации и ценности, сила привычки. Изучение структуры власти и интересов отдельных социальных групп в данном варианте хозяйственного механизма покажет, как в рамках СЭГ оценивается действие и следствия каждого варианта, причем одна группа может рассматривать их как положительный эффект, другая — как те или иные затраты либо социальные потери. Выявится и их соответствие общегосударственным интересам.

Роль СЭГ в формировании хозяйственных механизмов состоит в том, что он стимулирует или тормозит этот процесс, генерирует множество вариантов и в известном смысле предопределяет им оценку и выбор.

При изучении СЭГ прежде всего необходимо детализировать его компонентные блоки, разработать шкальные (количественные, балльные, ранговые и т.п.) оценки их характеристик, обеспечить получение данных для этих оценок,

а затем перейти к выявлению связей между блоками и их характеристиками. Исходным пунктом могут послужить социологические обследования и анализ «фенотипического» образа СЭГ у отдельных более или менее однородных категорий населения¹.

Дальнейшие комплексные исследования с привлечением инструментария экономических наук, социологии, социальной психологии, этнографии, социально-экономического моделирования позволили бы более конкретно определить взаимозависимости между компонентами СЭГ, его доминантным и частными «профилями», выявить лаги этих взаимодействий. Разумеется, конкретные значения оценок по каждой характеристике, сила и направление их связей и лагов будут неодинаковыми для разных лиц в рамках одной группы — и тем более для разных групп. Поэтому любой частный «профиль» реально предстает как бы размытым и может трактоваться скорее в вероятностном, чем в детерминистском смысле. Тем не менее их исследование поможет установить, как воздействия на одни характеристики сказываются на изменении других.

Ретроспективный и сравнительный анализ «профилей» СЭГ покажет тенденции их динамики. Ведь отдельные его звенья изменяются с неодинаковой скоростью, обладают различной степенью устойчивости к внешним воздействиям. Возможные темпы изменения тех или иных характеристик СЭГ сильно варьируют и по категориям населения (так же, кстати, как и их представление о желательности подобных сдвигов).

Сдвиги в СЭГ и социально-экономическое развитие

Изменяясь в ходе социально-экономического развития, СЭГ в свою очередь оказывает на него существенное влияние. Наиболее подвижными являются технологические структуры общества. В тех или иных его звеньях постоянно зарождается и разворачивается инновационный процесс. Возникающие центры обновления захватывают сопряженные технологические сферы, что приводит к формированию нового технологического уклада. В свою очередь это вызывает изменения в организации производства, обмена, потребления благ, в институциональных структурах хозяйственного механизма. С новой технологией и организацией меняется характер труда и быта, появляются новые профессиональные группы, преобразуется жизнь многих региональных общностей. И во все стадии и звенья описанного процесса активно включен всеми своими компонентами СЭГ.

Проблема стимулирования и ориентации научно-технического и социально-экономического прогресса особенно актуальна на современном этапе как в развитых, так и в развивающихся странах мира. Стало понятно, что сегодня даже само развитие науки и технологии, не говоря о массовой реализации его результатов, — это не частное дело ученых, изобретателей и новато-

¹ См., например: *Римашевская Н. М., Овсянников А. А.* Потребительское поведение населения: теория и результаты моделирования. В кн: Экономика и математические методы. — М.: Наука, 1981. Т. XVII. Вып. 6; Социально-экономическое развитие сибирского села. — Новосибирск: Наука, 1987.

ров, а сложнейший социально-экономический процесс — стержень динамики всего общества. Каждая страна, опираясь на свой опыт, ищет наиболее адекватные сложившимся в ней условиям и особенностям формы этого процесса. Прежде всего речь идет о возможностях и способах его общегосударственной и локальной организации, финансирования, поддержки частной инициативы, технического оснащения и подготовки кадров, передачи и использования отечественной и зарубежной информации. Но в конечном счете дело упирается в учет, видоизменение и приспособление к вызову будущего системы ценностей, мотиваций, общественно-хозяйственной парадигмы и контуров регулирования, т.е. доминантного «профиля» СЭГ.

Здесь мы сильно отстаем. Показательны данные 1984 г. об удельном весе (в %) трех стран в общем количестве охраняемых документов, т.е. в мировом фонде изобретений и открытий по некоторым отраслям¹:

	Япония	США	СССР
Электротехника, электроника, связь	67,8	11,2	6,5
Приборостроение и вычислительная техника	64,2	12,3	9,1
Химическая промышленность	51,8	20,2	6,8
Механическая обработка материалов	52,5	14,5	13,0
Преобразование энергии	56,6	14,3	8,8
Горное дело	17,1	21,9	38,4
Сельское и лесное хозяйство	37,2	16,9	18,5
Пищевая промышленность	53,1	16,2	6,2
Производство предметов ширпотреба	36,5	22,5	1,3

Развителен рынок Японии в лидеры научно-технического прогресса за последние десятилетия. И не последнюю роль в этом сыграли восприимчивость японцев к зарубежному опыту, их трудолюбие, самоидентификация с интересами фирмы и нации, умелое использование традиционных патерналистских форм и группового поведения, к которому удалось привить творческий дух инноваций и готовность к проникновению на внешние рынки. Последние две характеристики являются для японцев сравнительно новыми, но их органичному синтезу с традициями способствовала пластичность японской культуры. Вместе с тем о общественном сознании страны произошли существенные сдвиги в сторону потребительства, частного интереса и либерализма. Так, в 1940 г. доля опрошенных, желавших вести праведную жизнь, или служить обществу, предав забвению собственные интересы, составила 56%, а в 1978 г. — только 18%; напротив, доля лиц, желающих жить собственными интересами, не беспокоясь ни о чем, или упорно работать, чтобы разбогатеть, увеличилась с 35 до 75%².

¹ Данные приведены по докладу: Яковец Ю.В., Симаков В.В. Научные основы и методы сквозного планирования научно-технического прогресса. АНХ при СМ СССР, Госплан СССР. — М., 1987. С. 21.

² См.: Рамзес В.Б. Личное потребление в Японии. — М.: Наука, 1985. С. 82–69.

В США (и Великобритании) обеспокоенные наметившимся отставанием политики и бизнесмены чаще внимают призывам Чикагской школы экономистов возродить ценности, мотивации и формы «чистого капитализма» — частную инициативу и условия жесткой конкуренции, — ослабить социальные подпорки и т.п.; вместе с тем они уповают и на щедро финансируемый государством военно-промышленный комплекс как на «локомотив» НТП.

Наше технологическое отставание обусловлено рядом взаимосвязанных факторов. Мы надолго задержались на экстенсивном пути экономического развития, на который реально ориентированы административно-командная система управления и присущий ей «профиль» СЭГ. Приведенные выше данные свидетельствуют об особенно большом разрыве в интеллектуальном потенциале лидирующих отраслей современного НТП (по сравнению с традиционными отраслями). В итоге пока ведущим является не информационно-научоемкий и автоматизированный, а машинный тип технологии. На многих операциях и в некоторых секторах (услуги, управление, индивидуальная трудовая деятельность, подсобное и домашнее хозяйство) сохранились мануфактурная и даже ремесленная и «домашняя» технологии. По последним опубликованным данным, в 1985 г. ручным трудом в народном хозяйстве было занято около 50 млн человек (общее количество рабочих, служащих и колхозников составило 130,3 млн человек)¹, вместе с тем, как показал представительный социологический опрос, половина трудящихся и половина руководителей не видят необходимости в том, чтобы пополнять свои знания; более 40% опрошенных не относят к числу неперенных условий жизненного успеха способности человека, а около половины — добросовестное отношение к труду².

В свете сказанного очевидна неотложность крупных структурных сдвигов в экономике, создания качественно иных условий для развития науки и техники, радикальной реформы хозяйственного механизма. Осуществление этих мер и тем более решение проблем более дальней перспективы будут во многом зависеть от сдвигов в СЭГ. Необходимо скоординировать и привести в действие все влияющие на него факторы — экономические, политические, нравственные, идеологические. Как и другим странам, нам придется искать, испытывать и отбирать такие формы социально-экономического развития, которые учитывают сложившиеся конкретно-исторические условия, в том числе СЭГ, и вместе с тем — реальные возможности их целенаправленного изменения.

Речь идет прежде всего о создании условий, способствующих сдвигам в СЭГ. В его ядре — это преодоление отчуждения от общественной собственности, реальное повышение заинтересованности в труде и его результатах, ценности человеческих способностей и творчества, инициативы, познания и нравственных

¹ См.: Народное хозяйство СССР в 1985 г., Стат. ежегодник / ЦСУ СССР. — М.: Финансы и статистика, 1986. С. 56; Народное хозяйство СССР за 70 лет, Юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. — М.: Финансы и статистика, 1967. С. 411.

² Данные опроса около 25 тыс. человек — рабочих, колхозников, представителей интеллигенции, служащих, проведенного АОН при ЦК КПСС, привели Л. Пономарев и В. Шинкаренко в своей статье: Догматизм. Корни и крона // Известия. 9–10 июня 1988 г. 163, 164.

качеств, создание полноценной хозяйской и трудовой мотивации. Новый облик должна приобрести парадигма хозяйствования и социального действия — с установками эффективности и адаптации (вместо рациональности и традиционализма), признанием многообразия хозяйственных форм, демократизацией общественной жизни и плюрализмом мнений. Нужна согласованная переналадка контуров регулирования и управления с иным соотношением и содержанием норм, оценок и стимулов. Главное, эти сдвиги не могут ограничиться какими-либо управляющими и социальными группами, а должны охватить самые широкие слои населения, стать преобладающими в нашем обществе. Тогда и упрочится новое социально-экономическое мышление.